

В ТРЕТЬЕМ КРУГЕ

Наш собеседник — драматург Владимир Арро

— Владимир Константинович, конечно, дело драматурга — писать пьесы, а вовсе не теоретизировать, но хочется все же услышать от вас вот что. Ваших коллег по перу одного с вами направления принято называть «новой волной». Как сами считаете, в чем здесь новизна? Кажется она чисто эстетических приемов или связана в первую очередь с отношением к жизни и к человеку, а значит, несет в себе определенную нравственную и социальную нагрузку!

— В начале восьмидесятых годов появилась группа драматургов, которых сближают глубина взгляда, тонкость ощущений, реакция на жизненную правду, точность догадок... Впрочем, мне трудно и не слишком удобно говорить об этом, поскольку меня тоже к этой группе причисляют. Однако случайно ничто не возникает. Должен сказать, что в одной «новой волне» мне довелось побывать намного раньше. Ведь в шестидесятые годы этот термин относили к ленинградской детской литературе. Тогда появилась группа писателей, среди которых были Виктор Голякин, Илья Дворкин, Сергей Вольф, Валерий Воскобойников. Их герои вдруг заговорили свежим разговорным языком. Эти литераторы писали от первого лица, легко превращаясь в своих юных героев. В тех произведениях легко было обнаружить и схожие эстетические признаки и общую идейную основу.

Читая тогда те книги, мы мало думали о том, что же это такое, да и критика неохотно разясняла нам суть тогдашней «новой волны». Думаем теперь. И приходим к выводу, что то были люди, детство которых пришлось на военные годы. И два десятилетия спустя они в своих книгах воссоздавали, возмещали непрожитое игрой в раскованное и счастливое детство. Языковую свободу им дала немота, пережитая в детстве. Говорить прошлого, запомнившийся драматизм обернулись вдруг такой звонкой нотой.

— И все же термин «волна» достаточно условен. Ведь драматургия, о которой мы говорим, есть естественное продолжение того, что было до нее...

— Конечно. Я думаю, что это просто новый виток той спирали, по которой движется развитие отечественной литературы. То, что делаем мы, это результат уроков профессиональных и более широких — уроков жизненных, социальных. Мои пьесы — они от Вампилова, от Володина, в чем-то от Розова. В чем-то от Аллы Соколовой, которая начала раньше нас всех. Если брать более широкий литературный контекст — то, конечно, мы вышли и из прозы Трифонова, и, наверное, неплохо и плодотворно прочитали современную западную драматургию.

И вот эта совокупность влияний, уроков плюс острое ощущение каждым нашей сегодняшней жизни и вывело драматургию на новый виток. И воз-

раст драматурга здесь совсем ни при чем. Ведь с появлением «новой» драматургии многие драматурги поколений старшего вдруг стали писать совсем по-другому, кого-то удивив, кого-то огорчив, кого-то тем самым порадовав. Арбузов вдруг пишет «Победительницу», Гельман — «Наедине со всеми» и «Скамейку», и всюду принципиально новое осмысление современной темы, новый герой.

Первый и главный критерий драматургов «новой волны» — это возможно предельная степень художественной и социальной правдивости. Ведь это так важно сегодня — показать жизнь такой, как она есть, не приукрашивая, не лакируя. Жизнь во всех ее неизбежных противоречиях, а значит — в ее движении. И человека показать в сильных страстях, в сомнениях, а значит — в борьбе. Ведь это еще Чехов так считал: человек станет лучше, если ему показать, каков он есть.

Герой в его неоднозначности нравится далеко не всем. Есть зрители, и их немало, которые сопротивляются внутренней человеческой противоречивости сценического героя, обвиняют а этом драматурга и театр, хотя видят картинку покрасивее, слепок с несуществующего человека.

А ведь дело не в том, чтобы показать, что человек плох. Если мы показываем на сцене антигероя, это вовсе не отменяет авторского идеала, наоборот, на этот идеал работает. Герой «некрасивый», не вполне приятный — это ведь и средство утверждения человека гармоничного, прекрасного.

— Как в этой связи вы относитесь к спорам о «положительном герое», которые периодически всплывают на страницах нашей периодики!

— В этих спорах мне не хватает глубины анализа. Им зачастую присущ поверхностный взгляд на существо положительного — и в жизни и на сцене. Но что может сказать драматург, если сама жизнь еще не дает на них ответа?

Мне кажется, что драматурги «новой волны» верно нащупали это знамение времени — противоречивость жизни и сложность человеческой природы. И не случайно в своем художественном методе они избегают однозначных и окончательных решений.

И все же я не знаю ни одной современной пьесы, которая так или иначе не утверждала бы идею неистребимости жизни и ее животворных, добрых начал. Драматургия, как и прежде, на стороне человека, а не против него, она лишь предупреждает его о губительности благодушия и самолюбования.

— Еще совсем недавно вас и ваших сверстников называли молодой ленинградской драматургией. Но время идет, и вот уже звучат новые имена. Кто они, что вы о них думаете, и какая сценическая судьба, по-вашему, ждет их!

— Многие яркие представители «новой волны» вышли из мастерской Игнатия Дворецкого, превосходного драматурга, умного и чуткого наставника. Знаю, как по сей день вспоминают его уроки мои сверстники и коллеги. Сейчас у Игнатия Моисеевича новый состав. Многие из молодых приходят на заседания секции драматургии к нам в Союз писателей, потому кое-кого мы уже знаем. Думаю, что самый способный среди них — Александр Образцов, советуя уже сейчас запомнить это имя. Интересно работают Олег Данилов, Андрей Зинчук, Марк Галесник. Все они совершенно другого склада, чем мы, их творчество более литературно. Для них пока важнее как, а не что. И здесь, пожалуй, Образцов — исключение, у него уже сейчас, в первых произведениях, есть органичное сочетание темы и образного ее решения.

Во всяком случае с этими и другими именами еще предстоит знакомиться — и театрам, и зрителям, и критике. Как сложится их судьба? Наверное, трудно. Мы прекрасно знаем, как просто идет театр на контакты с новыми именами, сколько трудностей при этом возникает. На риск идут редко, и театры тут можно понять, но все же жаль... И, может быть, именно знакомству с новой драматургией должны служить в первую очередь малые сцены, на это стоит направлять самостоятельные работы. Может быть, именно о молодой драматургии должны думать молодая режиссура...

Если говорить о собственном опыте, то мне, в общем, наверное, повезло. Пять пьес из шести вышли к зрителю за довольно короткое время. Четыре — к читателю. Но должен сказать, что трудности драматурга в связи с выходом на сцену — это лишь первый круг. Далее возникают трудности такого порядка: от тебя начинают ждать повторения того, в чем ты однажды преуспел. Удалась социально-психологическая драма, тебя уже торопят: где же другая?

Но я не хочу однообразия, повторения. Может быть, поэтому последней работой была не драма, а комедия — «Синее небо, а в нем облака». Она идет в Ленинградском театре комедии и вот-вот появится в Театре имени Моссовета. (Пьеса напечатана в ноябрьском номере журнала «Нева»). Может быть, поэтому решил попробовать свои силы в кинодраматургии — написал для «Ленфильма» сценарий, посвященный отношениям старшеклассников и взрослых.

Но все же на столе драма — и социальная и психологическая. И здесь начинается третий круг трудностей — борьба с самим собой: со своей косностью, робостью... Эти трудности для драматурга и самые горькие и самые счастливые, потому что это — работа.

Беседу вел Т. ОТЮГОВА

Синее небо, Ленинград, 1985, 10 стр.

наф. — драматургия